

© 1990 г.

МОЛЧАНОВА О. Т.

**МОДЕЛИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИМЕН В ТЮРКСКИХ
И ИНДООЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ**

Предлагаемая статья посвящена исследованию топонимообразования, в котором синхронный срез тюркских географических имен (ГИ) Горно-Алтайской автономной области взят в качестве общего фона с последующим наложением на него топонимов индоевропейских языков.

Выделив из всей собранной топонимии (7400) Горно-Алтайской автономной области тюркскую (3143) с ее четким агглютинирующим типом словообразования и словоизменения и только наметившейся фузиональной тенденцией [1], мы получили возможность объяснения фузиональных явлений, имеющих место в наименованиях, образованных морфологически в аналитических языках [2]. Для тюркских языков, в отличие от индоевропейских, характерно не периферийное положение имен по отношению к ядру системы, а нахождение их внутри или вблизи ядра [3, с. 17]. Открытая семантическая структура тюркских ГИ, в отличие от индоевропейских, где топонимикой составляется в основном единицами с закрытой семантикой, позволяет проследить пути становления и развития ономастической системы в целом, а потому тюркские языки оказываются ключом к решению ряда спорных общеметодологических вопросов ономастики и лексики вообще.

Со стороны своих словообразовательных моделей, содержательных структур, грамматического оформления, функциональной нагрузки и т. п. ономастиконы в различных языках обладают как генетической, так и типологической конвергентностью, изучение которой ведет через эмпирические наблюдения к выводам о лингвистической и экстралингвистической заданности имен. Некоторые из подобного рода заключений уже прочно утвердились в науке, другие носят поисковый характер, поиск присутствует в разных частях настоящего исследования, поскольку широкое сопоставление тюркской топонимии с индоевропейской проводится впервые. Сделанные обобщения исходят как из информации, собранной на материале одного языка (алтайского с его диалектами), нескольких тюркских, зафиксированных в топонимии исследуемой территории, монгольских и русского этого же региона, так и других языков Западной Сибири, а также ряда европейских в рамках некой общей схемы предположений. Предполагаем, что каждый язык имеет свою словообразовательную систему в топонимии, свою иерархию топонимических моделей. Последние мобильны, зависят как от конкретной языковой ситуации, так и от того, в каком знаковом качестве предстает топоним (актуализированном или виртуальном). С семиотической точки зрения язык не является однородным механизмом, как не является однородным механизмом его ономастикой со всеми словообразовательными типами. Предполагаем, что объективно существует в топонимике воздействие знаковой комбинации на семиотическое значение ГИ и наблюдается корреляция формаль-

ных словообразовательных моделей с их семиотическими стратами [4]. Допускаем, что существуют тенденции, которые делают результирующую словообразовательную модель предсказуемой как в общих, так и специфических чертах, потому что все языки работают в направлении идентичной цели — создания оптимальной модели ГИ. Результирующая топонимическая модель может быть предсказана, с одной стороны, ее инициальной формой, с другой, — теми тенденциями развития, которые четко продемонстрированы в других языках, например, целым комплексом средств перехода топонимов от семантически прозрачных к неясным, что отчетливо выявляется в топонимии европейских языков. Видимо, чтобы восприниматься как имя собственное (ИС), звуковой комплекс с самого начала должен быть узнаваемым по трем признакам, а именно: 1) по определенной семантике, обеспечивающей его полную семантическую автономии (А. М. Скляренко [5, с. 63] называет этот процесс интертопонимической дивергентностью), которая не позволяет устанавливать семантические связи с остальным текстом (случаи с именами, имеющими открытую семантическую структуру, как в тюркских языках), или отсутствию на синхронном срезе семантической структуры (имя — асемантический закрытый комплекс), как это наблюдается в большей части английских имен, 2) по словообразовательной модели (этим объясняется его формульность), 3) по грамматической оформленности (собственный грамматический признак). Каждый из этих трех основных признаков имеет более развернутые объяснения и уточнения типа: человек хранит в памяти некий набор готовых ИС, ему не обязательно каждый раз выполнять ряд мыслительных процедур, чтобы осуществить превращение апеллатива в оним; выветривание семантики в ИС происходит быстрее, чем в нарицательной лексике, вместе с тем в большинство ИС заложена через семантику исходных апеллативов известная информация о денотате, которая лучше всего передается и удерживается двухкомпонентной моделью; в ИС постоянно существует противоречие между формой, содержанием и назначением и т. п.

Словообразование в сфере ГИ предлагает ряд закономерностей, которые рассматриваются с точки зрения их взаимодействия с закономерностями словообразования вообще. При этом уместно подчеркнуть несколько общих положений.

Во-первых, о смысле, вкладываемом в некоторые термины. Как правило, под топонимобразованием понимается образование топонимов по существующим моделям, построение топонимических единиц из основ слов и аффиксов с опорой на их лексико-грамматические характеристики, при этом одна и та же формальная словообразовательная модель служит выражению самых различных значений и оттенков значений. Соотношение частей языковой единицы, которое во многих работах принято называть строением или структурой, нами никак терминологически не выделено, но под структурой понимается морфемное членение слова, а потому структура исключается из раздела словообразования, но сохраняется в грамматике. В рамках словообразования нами выделяются типы, модели, основы, форманты, в грамматике — классы, категории, формы, структуры и т. п.

Во-вторых, анализ тюркской топонимии показал, что в ряде случаев оказалось невозможным определить при отсутствии географического нomena (ГН), что первоначально получило имя: река или лог, гора, речка или долина и т. п. Например, *Азалу* «со злым духом» — так названы лог, река, стоянка; *Аснакму* «имеющий осины» — имя трех рек, долин;

Ббрулу «с волками» — так названы река, ручей, гора, населенный пункт. Именно поэтому первоначально понадобилось провести словообразовательный анализ без учета родов географических денотатов, а затем дифференцировать по родам объектов. В общем обзоре не учитывались повторяющиеся и перенесенные имена, в дифференцированном такой учет был произведен. Безусловно, анализ форм с ГН четко выявляет процессы словообразования и семантики, но не всегда. Поясним это на примере: река, озеро, лог названы *Баатмр-Кбл* «богатырь-озеро». Совершенно очевидно, что первоначально имя получило озеро, затем река, которая из него вытекает, и лог, по которому эта река течет. В двух последних случаях (река, лог) мы имеем дело с оттопонимическими асемантическими дериватами, и только относительно озера можно проводить компонентный анализ семантической структуры и давать словообразовательную характеристику топониму *Баажыр-Кбл*.

В-третьих, в тюркской топонимии Горного Алтая выделяются неаффиксальный и аффиксальный способы топонимообразования. Неаффиксальный, в свою очередь, объединяет лексико-семантический и лексико-синтаксический типы. Некоторые авторы делят топонимы по способу образования на два типа: морфологические и синтаксические. Указанное деление не охватывает все тюркские топонимы, то же касается конверсии, поэтому о лексико-семантическом способе топонимообразования можно говорить как об общем для всех одноосновных безаффиксальных форм ГИ, считая, что здесь имеет место топонимизация (субстантивация 4-4- топонимизация для части словоформ), сопровождающаяся определенными изменениями значения исходного (=мотивирующего) слова.

В-четвертых, при аффиксальном способе словообразования важен характер значений аффиксов, что в конечном итоге обуславливает семантическую связь производящего и форманта, а также формальную организацию производного с непредсказуемыми синтагматическими свойствами производящего элемента.

В-пятых, сам механизм возникновения отапельлятивных ГИ — это имплицитное лексико-семантическое, лексико-синтаксическое топонимообразование и эксплицитное словопроизводство, выражающееся в топонимизации простых и сложных нарицательных слов.

В-шестых, введение семантического компонента в эту часть анализа вызвано вполне определенными объективными причинами: для изучения взяты только имена с открытой семантической структурой, они создаются в языке с опорой на лексико-грамматические характеристики мотивирующих основ. Модели топонимов и правила их образования определяются сложными законами, обращенными как к грамматике, так и к лексике. Это относится как к одно-, так и многокомпонентным формам.

Лексико-семантический способ образования ГИ — это топонимизация как основных, так и переносных значений слов (именных и глагольных форм). Под топонимизацией мы понимаем не только «переход имени нарицательного в топоним и его дальнейшее становление и развитие в этом разряде оников» [6], но и параллельно идущую субстантивацию лексем, приобретение ими характеристик, соответствующих их новому статусу и иному классу слов. Субстантивация (особенно основ слов, имеющих иное, чем субстантивность, категориально-грамматическое значение) обычно сопровождается приобретением нового лексического значения. Группа топонимов, в которых происходит топонимизация основных значений слов, является ведущей. Так, из выделенных в тюркской топонимии Горного

Алтая 70 лексико-семантических полей (ЛСП) топонимизация прямых значений слов распространяется на 49, в подавляющем количестве основу указанной группы составляют личные имена; обозначения рельефа; форма; обозначения водоемов; деревья и лес; звук; этнонимы; различные именованья людей по возрасту, роду занятий, общественному положению; расположение в пространстве, например: *Аржан* «минеральная вода; минеральный» ^> название ручья, *Бортултаг* «та, что бурлит; бурлящая» ^> название реки и т. п.

Третья часть от общего количества безаффиксальных одноосновных топонимов образована через метафору, сравнение, сопоставление, служа доказательством того, что категория экспрессивности является неотъемлемой частью топонимикона, присутствуя как в первоначальном акте дачи имени, так и в дальнейшем его речевом употреблении [7]. В этом случае апеллятивы, став топонимами, утрачивают свои исконные значения и приобретают новые метафорические или метонимические как результат определенных ассоциаций, тотемных культов, обожествления природы, например: *Аба* «отец, батюшка; старший брат; форма почтительного обращения» ^> название реки, *Барлак* «дрозд» —* маленький, поющий |> ^> название ручья, *Боскун* «бродяга» —> меняющий свое русло > название реки, *Леекен* «росомаха» —.> небольшой, но верткий и быстрый ^> название реки, *Кирее* «пила» —> как пила ^> название скалы, *Тузак* «силок, петля для ловли птиц, зверьков» —> петляющий > название реки, *Учек* «шепотка» —^ небольшой и неполноводный ^> название реки и пр. Следует отметить, что наряду с антропоморфической метафорой, столь обычной в топонимии различных народов, ассоциации фаунистического характера, когда сопоставляется окраска, повадки, нрав, форма, издаваемые животным или птицей звуки с объектом природы, прослеживаются и в других языках: литовском, латышском, древнепрусском [8].

Аффиксация не является ведущей в тюркском топонимообразовании, но она имеет свои особенности, которые следует отметить. Основным аффиксом в топонимии изучаемой территории становится *-л°* (в) и его варианты, имеющий общее значение совокупности или множественности предметов (из 754 производных форм 343 содержат именно его). В одноосновных формах данный аффикс выступает как средство топонимизации с субстантивацией всей аффиксальной словоформы, его функциональная нагрузка увеличивается: *-л°* (к) из словообразующего становится морфологическим средством субстантивации и топонимизации, функционально равным ГН сложных форм: *Букалу* «(река), где имеются быки», *Балтыранду* «(лог), где растет борщевик», *Гыраалу* «(ручей), где есть кустарник» и т. п. Подобные факты находим у Х. Шайнхардта [3, с. 145].

Аффиксы группы *-к* (*-°к*, *-°и*, *-ай*, *-ши*) с общим значением уменьшительности в топонимии Горного Алтая по распространенности занимают второе место (97 из 754 единиц). Если аффиксы группы *-л°* (к) становятся в одноосновных формах субститутами ГН, то аффиксы группы *-к* оказываются субститутами адектива «малый». Разница между ними заключается еще и в том, что топонимизация апеллятива посредством нейтрального аффикса *-л°* (к) характеризуется прямой и непосредственной соотносительностью с объектом обозначения, а топонимизация стилистически маркированным аффиксом *-к* — опосредованной двойной соотносительностью с денотатом через уже имеющееся имя. В этой секундарности форм с демунитивными аффиксами заложены определенные качественные различия в принципах номинации между нейтральным и стилистически маркиро-

ванным аффиксом, ср. *Бдрулу* «(река), где имеются волки»; *Аба* → *Аба-чак* («Малая Аба»), *Аегга* → *Аттгачак* («Малая Анга»).

Предварительная характеристика уменьшительных аффиксов в топонимии славянских, романских, немецкого языков была сделана А. М. Скляренко [5, с. 64–65]. Н. Б. Ковалева [9, с. 29] констатирует значительную распространенность в гидронимии бассейна р. Ини в Западной Сибири афф. *-ушк(a)1-юшк(a)* — 9% (р. *Боровушка*, р. *Грязнушка*, р. *Комарушка*) со значением уменьшительности.

Аффиксы мн. числа в топонимии разных языков получили довольно подробное освещение как теоретическое, так и практическое. А. В. Суперанская, приведя примеры распространенной плюральной модели в ойконимии и антропонимии, замечает, что здесь происходит «нарушение обычных предметно-словесных ассоциаций и переход слова в иное лексическое поле, что меняет его коннотативную соотношенность и создает несоответствие языковой формы и реального содержания имени» [10]. В работах по русской топонимии Сибири отмечается наличие плюральных форм в названиях населенных мест, образованных от фамилий и прозвищ, по этнической принадлежности, от ГН и т. п. И. А. Воробьева подчеркивает их распространенность в Кемеровском и Беловском районах Кемеровской области и заключает: «Учитывая, что в исторических документах XVII—XVIII вв. подобных топонимов нет, можно предположить, что они стали распространяться на территории современного Кузбасса в XIX в., особенно в пореформенный период, и продуктивны в настоящее время» [11]. В диссертации Н. Б. Ковалевой, посвященной анализу русской топонимии бассейна р. Ини, сообщается, что «форма множественного числа привносит в топоним *Озерки* не значение наличия нескольких озер, а указывает на расположение деревни около озера. Среди названий населенных пунктов бассейна р. Ини указанные наименования распространены довольно широко (7% аффиксальных ойконимов): д. *Татары*, д. *Чесноки* и др. В качестве основы названий в форме множественного числа выступают антропонимы» [9, с. 34]. Л. Г. Гулиева [12] фиксирует в гидронимии Кубани малое число имен в форме *pluralia tantum*, которые здесь подразделяются на 1) гидронимы, образованные от соответствующих апеллятивов во мн. числе, например, р. *Ясени*, р. *Осечки*; форма мн. числа является только выражением гидронимичности; и 2) славянизированные иноязычные гидронимы, которые восприняты носителями русского языка как существительные во мн. числе: р. *Албаш*, р. *Кирпили*. По устному сообщению З. В. Рубцовой, плюрализация — наиболее типичный и древний в Белоруссии способ топонимизации апеллятивов, например, оттопонимические дериваты *Касьня*, за *Касьню*, *касицы*. Если обратиться к английской топонимии, чтобы проиллюстрировать универсальный характер использования аффиксов мн. числа в качестве средства топонимизации, то здесь возникает необходимость соотнесения мнения Л. Блумфилда [13] о сингулярности ИС (что имеет свои основания, особенно для синхронной английской топонимии) с наличием дательного падежа мн. числа в основе многих английских имен, например, *Bath* из *set Vadum* «в купальнях», *Lydd* из *ad Hlidum* «на склонах» и т. п. Окончание *-um* было или ослаблено затем в *-e* и в конце концов исчезло, или слилось с известными вторыми элементами, такими, как *-ham* или *-holm* [14, с. 35]. Сведения об употреблении окончаний двойственного числа в ряде названий городов и селений в семитских языках и об их формализации до топоформантов имеются в книге В. М. Гранде [15]. Судя по примерам, для алтайского аффикса мн. числа *-лар* и его вариан-

тов в топонимических образованиях характерен синкретизм: с одной стороны, названная морфема передает значение неопределенного совокупного числа предметов [16], с другой — это топонимический формант, выступающий как субститут ГН. В этом смысле *-лар* сближается с *-л'(к)*, хотя последний и получает большее развитие в алтайской топонимии. Можно предположить, исходя из сравнения алтайского материала с материалом других тюркских языков, что данный формант так и остался в Горном Алтае в рудиментарном состоянии, не получив дальнейшего развития; как правило, он отмечается в гидронимах и оронимах: *Адырлар* «(перевал), где есть развилины», *Ак-Мдштбр* «(лог), где одни только кедры», *Кузуктар* «(хребет), где есть орехи» и т. п. И все же общая тенденция по языкам — небольшое количество плюралльных форм: 20 из 3143 единиц в тюркской топонимии Горного Алтая, 471 из 19 075 склоняемых лексем в украинской гидронимии [17, с. 108].

Остановимся на участии притяжательных аффиксов в образованиях ГИ. Притяжательные словоформы в украинской гидронимии составляют 0,4% [18], литовской — 11,1% [19], алтайской топонимии — 6,0%. Генитивные образования в русской топонимии различны как по содержанию, так и времени возникновения. Одни из них, вероятно, выражают значение обладания, ср.: *Девладова, Дедова, Жидова, Бубликова, Волкова, Сидоренкова, Орлова, Чернова* и др. [20], другие — имена посвящения: мыс *Голенищева*, пролив *Шокальского*, остров (полуостров, мыс) *Шмидта*, бухта (мыс) *Дежнева*, остров *Ушакова* [21]. Несмотря на то, что по английским источникам не ясно процентное соотношение топонимов, имеющих в основе личные имена и оформленные аффиксом род. падежа, к общей массе ГИ, все-таки Р. Х. Рини замечает: «В одно время результаты изучения топонимов встречали некоторый скептицизм по большей части на том основании, что слишком много незарегистрированных личных имен было постулировано для объяснения слишком многих топонимов ... и все же остаются многочисленные названия мест, которые содержат некие неизвестные личные имена» [14, с. 54]. «Хотя многие сотни английских топонимов начинаются с личных имен раннего периода, существует сравнительно малое их число, которые могут, как *Bamburgh*, быть определенно ассоциированы с известными историческими личностями» [22]. Если притяжательные формы в топонимии ряда европейских языков закрепляют отношения частной собственности на физико-географические объекты, строения, сооружения и т. п., то в алтайской топонимии (при групповой и родовой собственности тюрков на землю) они, даже принимая во внимание особое положение категории принадлежности в тюркских языках. Стали прежде всего служить моделью образования вторичных ГИ (топоним от топонима): *Кам-Тыт-тыгг-Торгун* «лесная речка места Кам-Тыт», *Олати-Ойыкттыт-Ажу* «перевал реки Ошту-Ойык».

Определенный интерес представляет и общее сравнение данных суффиксальной деривации в украинской, русской, литовской, немецкой, собственно алтайской гидронимии и топонимии в целом (цифры для сравнения здесь и далее взяты из работ [18, с. 37; 9, с. 26, 27, 29, 30, 34; 23, с. 128, 132, 137, 134; 19, с. 382]). Суффиксальные образования составили в украинской гидронимии 41,5%, в русской топонимии Сибири — 57% и в литовской гидронимии — 52,1%. В алтайском это число ниже (37,67% для всех топонимов, 44,42% для одноосновных и 33,93% для двухосновных моделей), а если учесть, что в этом процентном количестве имеются формы с аффиксами, не служащими для образования топонимов, например, аффиксальные атрибутивы в двухкомпонентной модели, то при-

веденная цифра значительно снизится. В литовском языке насчитывается около 490 суффиксов, употребляемых для образования гидронимов, строй тюркских языков допускает фактически только 2 (естественно без учета их вариантов).

Далее сравним процентное содержание аффиксальных и безаффиксальных форм по классам объектов на близлежащих территориях; в тюркской топонимии Горного Алтая и русской Западной Сибири. Безаффиксальные названия (р. *Старица*, р. *Курья*, р. *Грязная* — здесь нет топонимобразующих аффиксов, вычленение аффиксов возможно только на апеллятивном уровне, в топонимии эти слова вошли в оформленном виде) составляют 23% речных имен, зафиксированных на территории бассейна р. Ини, среди названий населенных пунктов безаффиксальных имен несколько меньше (18%). Русских названий рек аффиксального типа во всей Западной Сибири — до 50%, безаффиксальных — 30%, русских названий озер аффиксального типа — 38%, безаффиксальных — более 53%, названий болот безаффиксального типа — 48%, аффиксального — 41%, ойконимы аффиксальные — от 60% и выше, безаффиксальные — 20% и выше [23]. В тюркских речных одноосновных именах Горного Алтая безаффиксальных — 61,12%, в одноосновных оронимах безаффиксальных — 74,41%, в одноосновных наименованиях логов безаффиксальных — 67,62%.

Если сравнить процентное содержание сложных образований, то картина такая: в алтайском их 66,7%, украинском — 12,4%, литовском — 16,7%, в бассейне Ини русские ойконимы — сложные слова — 10%, гидронимы-словосочетания — 20%, ойконимы-словосочетания — 8%; в целом по Западной Сибири русских речных имен-словосочетаний — 20%, озерных имен-словосочетаний — 6,9%, наименований болот-словосочетаний — 8%, ойконимов-словосочетаний — от 7 до 18%. В селькупской топонимии из всех устных форм ГИ 2/3 являются сложными, имеющими в своем составе ГН [24]. В английской топонимии словообразовательные типы находятся в следующих отношениях: простые — 5%, составные — 17%, сложные — 78% [25]. Немецкий материал тоже дает преобладание сложных топонимических образований (96) над простыми (14) [26]. Таким образом, сложная (двусоставная) форма ГИ типична не только для тюркских языков.

Вопросу участия атрибутивных словосочетаний в образовании украинских гидронимов уделено значительное место в книге З. Т. Франко [17, с. 7—10]. Автор обращает внимание на то, что атрибутивные словосочетания являются наиболее организованным единством, которое становится единицей номинации, это словосочетание в какой-то мере лишено сопутствующей ему функции индивидуализирующе-идентифицирующей, т. е. функции исключительной уникальности, каковой отличается всякий топоним. Это значит основание, по мнению З. Т. Франко, видеть в атрибутивном сочетании стадию, которая хронологически предшествовала субстантивному определению. Автор не исключает и обратную постепенность: от слова до словосочетания, последнее, в силу закона противодействия, может проходить параллельными изоморфными линиями, не подвергаясь взаимному выравниванию. В атрибутивных сочетаниях-гидронимах определения выражаются: а) существительными, прилагательными и числительными в родовой разновидности, б) качественными прилагательными, в) относительными прилагательными, г) притяжательными прилагательными, д) числительными, е) причастиями, ж) парными прилагательными. Тип атрибутивных сочетаний в топонимии один для ряда языков

с преобладанием в нем моделей «качественное/относительное прилагательное + существительное» (ср. алт. *Ак-Боочы*, «белый, чистый, голый перевал», *Кара-Булак* «обильный, питающийся подземными водами, возможно, прозрачный родник, источник», *Кыралу-Кобы* «лог, ложбина с пашней», *Мбиту-Ойык* «углубление, котловина с кедрами», *Орто-Карасу* «средняя родниковая река; ключ»), но доля словосочетаний в топонимии разных языков, как было указано выше, неодинакова. Добавим сюда подсчеты, проведенные нами по словнику гидронимов бассейна Оки на букву Б [27], которые показали, что из 1086 зарегистрированных гидронимов только 40 — словосочетания (*Благовещенское Болото*, *Ближняя Борозда*, *Большой Лог*, *Быкова Гора* и др.).

Наличие в сложных формах тюркских ГИ большого числа ГН является одним из признаков типологической конвергентности тюркских языков в ономастике. Так, в алтайской топонимии 54,43% всех наименований содержит ГН, а их общее количество составляет 126 единиц (*Айу-Кол* «медведь-озеро», *Айулу-Карасу* «ключ, где едят медведи», *Бараан-Туу* «темная гора», *Кайыр-Кыр* «крутая гора» и т. п.). Интересным представляется соотношение форм с ГН и без него в одноосновных и многоосновных образованиях. В одноосновных формах ГН представлены небольшим числом: они участвуют в образовании всего 14,42% одноосновных имен. В двусловных количество ГН возрастает: они участвуют в образовании 72,94% двусловных наименований. Лексемная организация тюркских топонимических композитов отличается высокой степенью присутствия ГН в качестве не только стержневого элемента, но и атрибута (в 49,44% примеров простых и сложных форм). Видимо, ГН в тюркских языках, наряду с небольшим числом аффиксов (в славянских, литовском в большинстве случаев аффиксы), являются теми маркерами ГИ, которые выделяют последних в контексте, создают их семантическую непроницаемость, обеспечивают закрытость топонимических композитов для установления семантических связей в контексте.

В акте номинации имеют место две логические операции; 1) подведение обозначаемого под известный класс явлений, т. е. его категоризация и отождествление, 2) сравнение с другим предметом и явлением действительности [28], потому что «дача имен местам и знакомому окружению посредством обращения к их особенностям, а также ассоциации есть старая и глубоко укоренившаяся привычка» [29]. Через первую операцию, как нам кажется, мысленно выбирается ономастиологический базис реалии (для значительного количества тюркских сложных ГИ — ее вид или тип), через вторую — ономастиологический признак. Первая — это акт классификации, вторая — установление ассоциативных связей. Ономастиологический признак и базис вступают в определенные отношения друг с другом, которые приводят к появлению у деривата значения, отражающего наличие этого отношения или его характер. Выбор ономастиологического базиса и признака у ГИ поддается определенному наблюдению: у форм с ГН тюркских топонимов-комполит в качестве определяемых выступают только обозначения рельефа и водоемов, мест поселений, в качестве определений — обозначения рельефа (первое место), цвета (второе), формы (третье), количества (четвертое), протяженности: длины, ширины, высоты (пятое), элементов духовной культуры (шестое), водоемов (седьмое), заполненности/незаполненности объекта (восьмое), личных имен (девятое), домашних животных (десятое), диких животных (одиннадцатое), реалий исторического прошлого (двенадцатое), размера (тринадцатое), этнические (четырнадцатое) и т. д.; у форм без ГН тюркских топонимов-

композит в качестве определяемых употребляются наименования частей тела человека (первое место), деревьев, леса (второе), рельефа (третье), домашних животных (четвертое), кустарников (пятое), диких животных (шестое), всего, что связано с жилищем (седьмое), цвета (восьмое), этнические (девятое), элементы духовной культуры (десятое), одежды, украшений, снаряжений (одиннадцатое), растений (двенадцатое), формы (тринадцатое), хозяйственных построек (четырнадцатое) и т. д.; определениями здесь становятся следующие обозначения: количество (первое место), цвет (второе), форма (третье), этнонимические (четвертое), размер (пятое), общее физическое состояние (шестое), элементы духовной культуры (седьмое) и т. п.

Количество тюркских топонимов (3143) и количество соотносимых с ними объектов (5322) в Горном Алтае не совпадает, что свидетельствует о существовании перенесенных и повторяющихся топонимов на данной территории (на 169 объектов приходится 100 ГИ). Подобное наблюдается в топонимии других языков: «Часто одно и то же название относится не к одной реке или потоку. Хорошо известно, что много *the Avons, the Colnes* и т. д. в Англии. Когда реки состоят из двух или трех ветвей, *the same* название иногда относится к обеим или ко всем. Кентское *the Stour* имеет три ветви, все они раньше были *the Stour*, но теперь различаются как *the East Stour, the Great Stour, the Small Stour*. Экономия „труда“, проявившаяся в использовании одного имени для различных рек, до некоторой степени уравнивается реками, имеющими больше, чем одно название; такие случаи редки в Англии» [30, с. XXXIX]. Подсчеты показывают, что одноосновные, двуосновные, трехосновные, четырехосновные образования и количество соотносимых с ними объектов обладают каждый своей спецификой. Она заключается в том, что возможность перенесения и повторения у одноосновных в среднем выражается соотношением 1 : 2, у двуосновных — 1 : 1,58, у трехосновных — 1 : 1,19, у четырехосновных — 1 : 1,37, что означает следующее: одно имя приблизительно приходится на два и меньше, чем два, географических объекта. Но и эти цифры могут еще более быть дифференцированы, если взять топонимы, имеющие в своем составе ГН и не имеющие их. Так, соотношение имен и названных ими объектов у одноосновных наименований, равных ГН, выражается как 1 : 3, у одноосновных, не равных ГН, это выглядит как 1 : 1,85. У двуосновных соотношение имен и названных ими объектов принимает такой вид: у содержащих ГН — 1 : 1,63, у не содержащих ГН — 1 : 1,41. У трехосновных — 1 : 1,19 (имеющие ГН), 1 : 1,14 (не имеющие ГН). Следовательно, получается, что наибольшей способностью к перенесению с одного объекта на другие обладают одноосновные имена-ГН, затем идут одноосновные же, но без ГН, за ними — двуосновные с ГН, далее — двуосновные без ГН. Выявленная закономерность имеет свои причины, на которых остановимся подробнее.

Сам процесс перенесения имени с одного объекта на другие будем считать опосредованной номинацией. Образование новых имен через перенесение готового имени на смежные объекты возмещает недостаточность в языке словообразовательных средств наименования или является проявлением принципа языковой экономии. Происходит естественный процесс каких-то сдвигов в семантической структуре опорного имени и максимальное погашение его коннотаций. Возможность переосмысления имеющейся языковой формы и отбора ее как вторичного имени создается смежностью географических объектов, при которой объемы понятий вновь именуемого объекта и уже носящего имя совпадают в каких-то частях. Это-

ричное использование топонима для названия других объектов всегда опосредовано и, как показали наши подсчеты, мотивировано его словообразовательными и семантическими признаками. При опосредованной номинации отношение вторичного имени и именуемого объекта складывается из взаимосвязи нескольких компонентов: географический объект (внеязыковая сфера) — понятийно-языковая форма его отражения — имя с его значением, обусловленным чем-то, связанным с данным географическим объектом, — другой географический объект — его понятийно-языковое отражение через опосредующее, опорное наименование, сигнификат которого расходуется с новым денотатом. Спецификой такого рода номинации, следовательно, является ее опосредованность по отношению как к переосмысливаемой языковой форме (= опорному имени), так и к другой связи, складывающейся между сигнификатом и денотатом в новом акте наименования. Думается, что возможность такого опосредованного отражения действительности кроется в способности словесных знаков переносить свою форму и функциональное назначение на смежные объекты окружающего мира, расширяя тем самым для человека возможность его картирования. Так как у называемой реалии уже есть ономастиологический базис — имя другого объекта, то ономастиологический признак оттопонимической композиты — это очень обширная характеристика объекта (размер, расположение в пространстве, протяженность), подчеркивающая восприятие объекта по какой-то противоположенности с другим (другими), чего оказывается достаточно для образования нового имени, оно обращено сразу к двум денотатам: прежнему — через опорный топоним (= его имя) и новому — через дескриптив. Если сравнить внутреннюю синтаксическую связь между компонентами отапельлятивных и оттопонимических композит, то в отапельлятивных формах она кажется слабее и более синтактикоподобной, так как допускает различные случаи опрощения, гаплоггии, ассимиляции и диссимиляции на стыке двух морф, чего нельзя сказать о внутренней связи оттопонимических композит. Оттопонимические дериваты стремятся к усилению своих внутренних синтаксических связей, недаром здесь такое значительное место занимают изафет II и изафет III. Видимо, в данном случае следует учитывать и то, что «старение» имени идет за счет ослабления внутренних синтаксических связей, с его постоянной интенцией к цельюоформленности. Коэффициент соотношенности имен и объектов у оттопонимических дериватов (простых и сложных) или минимальный, или близкий к минимальному, что манифестирует их высокие знаковые характеристики. Кроме того, ярко проявляется и общая тенденция — с увеличением компонентности суживать круг референции имен.

Трудно судить из-за отсутствия данных, насколько распространен данный процесс в топонимии других языков, но в тюркской топонимии Горного Алтая — это один из ведущих способов топонимобразования (40% объектов территории получают имена через перенесения или повторы). Он охватывает все словообразовательные модели, относится к лексико-семантическому способу образования оттопонимических дериватов: *Кара-Озбк* «черная выемка, пробоина, котловина» — имя реки, горы, населенного пункта; *Сарас-Кир* «колонок-гора или колонковая гора» — имя ручья, горы; *Тайгачак* «небольшое снежное высокогорье или густой лес» — имя урочища, населенного пункта (все три — примеры опорных топонимов и перенесений); в Горном Алтае около 40 *Карасу* «родниковая река, ручей; ключ; родник; река с ледниковым началом или питанием», до 20 *Ак-Кобы* «белый, чистый, голый лог, ложбина» — примеры повторений).

Словообразовательный анализ проведен нами для 18 типов объектов Горного Алтая. Он выявил определенную специфику названия, которая проявляется в том, например, что основная модель имен рек и речек, гор, логов, озер, перевалов, стоянок, хребтов, водопадов, ущелий, ледников, степей — двусловная; у ручьев, долин, ключей — однословная. У урочищ, населенных пунктов, мысов количество одно- и двусловных образований приблизительно одинаково. При рассмотрении участия собственоречных ГН в именах выясняется, что из 768 рек и речек, носящих двухкомпонентные имена с ГН, 308 имеют в своем составе собственногидронимический ГН (*аиры, булак, Јул, кан, карасу, кем, кожого, коол, мддн, бзус, дрек, су у, суугаш, торгу н*), остальные образованы прибавлением дескриптивной части к ГН низинного или возвышенного рельефа, что выявляет общую тенденцию — реки часто называются по верховью (углублению, озеру, из которого они вытекают, по горам, сопкам, с которых они стекают и т. п.). В основе значительного числа двухкомпонентных без ГН оронимов — глагольные синтагмы-суждения (31 имя из общего числа 123; в речных именах 48 объектов из 283 имеют в исходе глагольные синтагмы). Ойконимы, как правило, представляют собой отпонимические образования, в Горном Алтае они характеризуются лишь единичным присутствием в них личных имен и прозвищ, в отличие, скажем, от Татарской АССР, что имеет свои социальные причины.

Если проследить за ЛСП, представленными адъективными компонентами при наиболее типичных ГН, то это выглядит с *су у* «вода; река», *суугаш* «речка», *орек* «небольшая река» таким образом: 1) цвет, 2) рельеф, 3) размер, 4) характеристика течения, 5) водоемы и др.; с *туу* «высокая гора», *кыр* «гора, возвышенность; холмистая степь», *тайга* «1) снежное высокогорье, 2) гора, покрытая лесом» — 1) цвет, 2) рельеф, 3) форма, 4) характеристика объекта с точки зрения его заполненности, 5) водоемы и др.; с *кобы* «лог, ложбина, лощина» — 1) цвет, 2) состояние: сухой — влажный, 3) личные имена, 4) рельеф, 5) протяженность и др.; с *кол* «озеро» — 1) цвет, 2) рельеф, 3) размер, 4) соотношение с другими объектами и окружающей средой, 5) характеристика положительная и др.; с *ажу* «высокий горный перевал; место, где переезжают через гору», *арт* «задняя часть перевала, хребта, а также то, что находится за перевалом и хребтом; сам перевал», *бел* «седловина, широкий и низкий перевал в горах; сглаженная невысокая возвышенность», *боочы* «сравнительно невысокий, но длинный перевал; горный переход, проход; лог, ложбина» — 1) рельеф, 2) соотношение с другими объектами и окружающей средой, 3) деревья, лес, 4) цвет, 5) реалии духовной культуры и др. Вновь перспективным кажется сравнение с другими регионами, где весь спектр распределен по-иному, с совершенно различными оценками признаков реалий, которые берутся в качестве основы номинации. Н. Б. Ковалева отмечает, что в русской микротопонимии бассейна р. Ини в Западной Сибири как основа фиксируются апеллятивы, характеризующие 1) физико-географические свойства называемого объекта (28,6%), 2) форму (9%), 3) местоположение (6%) 4) вид растительности (5%), 5) размер (3%), 6) особенности животного мира (3%), 7) цвет (2,6%, преимущественно белый, черный и красный), 8) хозяйственную деятельность людей [9, с. 65]. Э. Эквал [30, с. 11] указывал, что у английских рек берутся следующие признаки как основа наименования: извилистость, быстрота, сила, издаваемый звук, протяженность, прозрачность, цвет, характеристика положительная и отрицательная; из деревьев отмечены: дуб, ясеня, вяз, орешник, бузина, ольха, тис; названий животных очень мало: лось,

журавль, лиса, медведь; крайне редки в топонимах обозначения естественных объектов (речь идет об определениях в сложных именах). Возможно, что у древних германцев, как и у других народов, существовало табу на священных животных, деревья и т. п., что объясняет до некоторой степени их малое присутствие в ГИ, тем не менее совершенно очевидно, что выделение признаков в качестве основы наименований географических объектов носит запрограммированный характер, в истоке которого — комплекс исторических, географических, социальных, психологических и других экстралингвистических факторов. Показателен в этом плане список лексем, получивших в тюркской топонимии Горного Алтая наивысшую частотность (от 50 и выше; частотный индекс поставлен при ГН): *кол*_{1,1} «озеро», *Кара*_{ин} «1) обильный; родниковый, питающийся подземными водами; без примеси, иногда прозрачный, 2) черный; не покрытый снегом; густой; с густым (часто хвойным) лесом», *туу*₁₀₇ «высокая гора», *Јаан*_{ин} «большой; старший, почтенный», *ак*_{ь,1} «1) мутно-белый, ледниковый; чистый, хороший, пресный; текущий, проточный, 2) белый; снежный; высокогорный белок, 3) голый, лишенный растительности, леса», *кобы*₇₉ «лог, ложбина, лощина», *устиг*₆ «верхний», *таш*₇₃ «камень; гора, сопка, возвышенность, сложенные из твердых пород с их обнажениями», *бажы*₁₀ «вершина горы; начало, верховье, исток реки, озера», *суу*₆₇ «вода; река», *коол*₆₃ «низменность, долина; русло реки», *алтыгы*₆₂ «нижний», *айры*_{3,7} «1) разветвление, развилка, 2) рукав реки; водораздел, 3) река, маленький ручей», *кичу*[^] «маленький», *ойык*₆₃ «котловина, лог, углубление на вершине горы», *кем*₆₁ «река», *сары*₆₀ «1) желтый, совершенно желтый, желтоватый, рыжий, палевый, желто-бурый, бежевый, бледный, соловый, сероватый, 2) весенний, снеговой, талый, песочный, мутный, 3) степной, сухой, выгоревший».

Вместе с тем можно думать, что выделение ландшафтно-топографических характеристик в качестве основы ГИ является ведущим в топонимии многих языков и регионов. Так, Г. Борек [31] указывал, что из 966 основ с прозрачной славянской этимологией 702 основы, т. е. свыше 72%, связаны с топографическим значением, остальные 264, т. е. 28%, — с деятельностью человека. Из сопоставления, проделанного на тюркском материале Горного Алтая, видно, что наибольшее количество семем приходится в топонимии на раздел «Человек» (979 единиц), в разделе «Природа» количество семем меньше (390), но частотность их значительно выше. Наш материал показал, что в разделе «Человек» число семем, частотность которых составляет 10 и выше — 36, раритетных (частотность равна 1) — 597, среднечастотных семем (частотность от 2 до 9 включительно) — 346. В разделе «Природа» число семем, частотность которых равна 10 и выше, — 63, раритетных семем здесь 146, среднечастотных семем — 181. Если же посмотреть на полный список высокочастотных алтайских лексем (86 единиц), то больше 50% из них ГН.

Итак, сопоставление строевых элементов алтайского и русского языков Южной Сибири и прилегающих территорий с привлечением данных европейских регионов дает исследователю возможность посмотреть на названия не как на готовые продукты речи, а «изнутри», раскрыть и изучить процессы построения ГИ, установить общие тенденции и различия в словообразовательных моделях топонимов, исходя из общеметодологической предпосылки об универсальных законах развития речевого мышления в отношении представлений о географической среде и ее обозначении и общелингвистической универсалии — каждый человеческий язык имеет имена собственные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кононов А. Н. О фузии в тюркских языках // Структура и история тюркских языков. М., 1971. С. 115—116.
2. Реформатский А. А. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М., Л., 1964. С. 91.
3. Scheinhardt H. Typen turkischer Ortsnamen. Heidelberg, 1979.
4. Суперанская А. В. Ономастические универсалии // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 348.
5. Складенко А. М. «Степень ономатизации» топонимов разных типов // Восточнославянская ономастика: Материалы и исследования. М., 1979.
6. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988. С. 132.
7. Алексеев А. Я. Стилистическая информация языкового знака // ФН. 1982. № 1. С. 50, 53.
8. Ванаса А. П. Балтийские гидронимы апеллятивного происхождения // Nomina appellativa et nomina propria: Summaries of the papers. Sracow, 1978. P. 271.
9. Ковалева Н. Б. Русская топонимика бассейна реки Ини (семантический анализ): Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1973.
10. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973. С. 121—122.
11. Воробьева И. А. Названия населенных пунктов Кемеровской области (на современном этапе и в их истории) // Уч. зап. Кемеровского пед. ин-та. 1971. Вып. 26. С. 126—127.
12. Гулешева Л. Г. Опыт исследования гидронимии Кубани: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1969. С. 12.
13. Bloomfield L. Language. L., 1973. P. 205.
14. Keaneу P. H. The origin of English place-names. L., 1969.
15. Гранде Б. М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М., 1972. С. 288.
16. Шербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л., 1977. С. 94.
17. Франко З. Т. Граматична будова украшських гвдротмів. КНІВ, 1979.
18. Отин Е. С. Гидронимия Юго-Восточной Украины: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Киев, 1974. С. 37.
19. Vanagas A. Lietuvos TSR hidronimu daryba. Vilnius, 1970. P. 382.
20. Трубочев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968. С. 67.
21. Сталтмане В. Э. Родительный падеж в структуре балтийских топонимов в сравнении со славянскими // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 145.
22. Matthews C. M. Place-names of the English speaking world. 1972. P. 51.
23. Воробьева И. А. Топонимика Западной Сибири. Томск, 1977. С. 128, 132, 137, 139.
24. Беккер Э. Г. Селькупские топонимы Западной Сибири: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1965. С. 54.
25. Бельняк В. Д. Топонимы в составе лексической системы языка. М., 1969. С. 143.
26. Eichler E. Die Orts- und Flussnamen der Kreise Delitsch und Eilenburg. Halle (Saale), 1958. S. 212.
27. Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976. С. 296—303.
28. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1982. С. 100.
29. Voornе J. Place-names of Leicestershire and Rutland // Leicestershire libraries and information service. 1981. P. 7.
30. Ekwall E. English river-names. Oxford, 1928.
31. Борек Г. Восточнославянские топонимы с формантом *-ын* // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 106.